

ПАВЕЛ ЮШИН*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИДЕЯ ЗАКОНА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ». ХРОНИКА**

25–26 апреля 2018 г. в Санкт-Петербургском кампусе НИУ ВШЭ прошла международная конференция «Идея закона в интеллектуальной истории», организованная кафедрой сравнительного литературоведения и лингвистики совместно с Лозаннским и Фрибургским университетами (Швейцария).

25 АПРЕЛЯ

Первый день конференции открылся приветственной речью заведующего кафедрой сравнительного литературоведения и лингвистики БОРИСА ГАСПАРОВА (Колумбийский университет — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Он отметил сюжетное богатство программы и поблагодарил участников за разнообразие подходов к понятию «закон», различные смысловые измерения которого создают концептуальное напряжение, превращающее его в чрезвычайно занимательный предмет обсуждения на современном форуме по истории идей. Затем слово взял один из организаторов конференции, СЕРГЕЙ ЗЕНКИН (РГГУ — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), рассказав собравшимся об истории проекта, а также выразив сожаление о том, что несколько участников оргкомитета — ИЛОНА СВЕТЛИКОВА (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), которой принадлежит идея конференции, и АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВ (НИУ ВШЭ, Москва) — не смогут выступить в качестве докладчиков. Ведущей утреннего заседания стала организаторка со стороны Швейцарии ЕКАТЕРИНА ВЕЛЬМЕЗОВА (Лозаннский университет).

*Юшин Павел Константинович, студент, Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), pkyushin@edu.hse.ru.

**© Юшин, П. К. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Конференция началась с доклада Станислава Савицкого (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) на тему «Монтень о законе произвольности». Докладчик заметил, что автор «Опытов» много пишет о произвольности как методе и механизме письма, сравнивая свой *opus magnum* то с небрежно собранным маркетри, то с разросшейся от многочисленных дополнений версией «Метаморфоз» Овидия, — и читателю, напрасно пытающемуся уследить за его непредсказуемыми дигрессиями, эти теоретические объяснения помогают понять структуру книги и ее замысел в целом. Развивая интерпретацию Себастьяна Пратта, писавшего об онтологическом статусе непостоянства у Монтеня, докладчик обратился к идеям французского философа о лени и праздности, воспроизводящим римские представления об *otium*'е как форме умозрительной и духовной работы в позднеренессансном контексте. Из размышлений Монтеня о тотальности непостоянства, фундирующих пирронизм разного рода психологическими, климатологическими, антропологическими и культурно-историческими наблюдениями, выводится необходимость изоморфности фиксирующего творческий опыт текста непостоянству мира и человека. Эту изоморфность, концептуализируемую как праздность, Монтень полагает организующим принципом своего письма — своеобразным законом произвольности, определяющим меру той свободы, с которой ему удается переходить от одного рассуждения к другому. Не будь этот закон последовательно реализован, «Опыты» сложно было бы представить написанными, а потому он оказывается особенно интересен в русском контексте, не чуждом ни праздности, ни лени. В отличие от множества знаменитых законов, закон произвольности Монтеня должен работать.

Следующим выступил Тимофей Дмитриев (НИУ ВШЭ, Москва), доклад которого был посвящен истолкованию одного из центральных положений политико-правового учения Томаса Гоббса: «Where there is no common power, there is no law». По мысли докладчика, существо взглядов Гоббса на закон государства проще всего уяснить посредством его противопоставления закону природы, которое позволяет дать дифференцированную характеристику отношений между ними. Так, не только закон государства, утверждая общеобязательные определения понятий, заключенные в законе природы, делает возможным его применение, но и закон природы, будучи вечным законом Бога, восполняет пробелы в нормах позитивного права и служит руководящим указанием при его толковании. Представленный в докладе анализ аргументации

Гоббса приводит к неутешительному выводу, что принципы справедливости, которые он развивает в своем учении о естественном законе, оказываются неспособны ограничить власть суверена. Учиняя что-либо противное закону природы, Левиафан тем самым идет против Бога, но не совершает ничего противозаконного в отношении граждан, поскольку «там, где нет общей власти, нет закона». Парадоксальным образом, что бы ни повелел гоббсовский государственный авторитет, он никому не может причинить зла.

После короткого кофебрейка тему соотношения законов природы и законов человека подхватил следующий докладчик, сотрудник Института философии РАН, профессор Ланкастерского университета РОДЖЕР СМИТ (ROGER SMITH), сообщение которого, прочитанное по-английски, было озаглавлено цитатой из Габриэля Бонно де Мабли: «Let us study the man as he is, in order to teach him what he should be». Докладчик начал с наблюдения о том, что императив Аббата Мабли содержит любопытное противоречие, характерное для мысли представителей так называемого «проекта Просвещения»: утверждая, что законодательной основой человеческого благополучия должно быть опытное исследование законов (человеческой) природы, они полагались на риторику христианской традиции естественного права, тем самым сталкивая понятие закона как абсолютной силы, целиком детерминирующей субъекта, с тем его значением, которое предполагает свободу этической воли последнего. Уточнив это противоречие на материале дискуссий о свободе воли в Великобритании конца XIX века, — особенное внимание было уделено работам Томаса Генри Гексли, в том числе публичной лекции «Эволюция и этика», прочитанной в Оксфорде в 1983 г., — профессор Смит продемонстрировал, что двусмысленность понятия «закон» в значительной степени определяла этические и политические споры эпохи, и призвал продолжить ее обсуждение в более широком интернациональном контексте.

Утреннее заседание завершилось докладом АЛЕКСАНДРА МАРЕЯ (НИУ ВШЭ, Москва) на тему «Закон индивида. Закон ассоциации: Размышления о природе человека и общества в ранней философии Хуана Доносо Кортеса». Докладчик обратился к малоизвестным в отечественной научной среде «Лекциям по политическому праву» (1836–1837), в которых испанский философ изложил ранний вариант своей политической антропологии. Согласно Кортесу, всякий человек обладает от природы двумя неотъемлемыми атрибутами — разумом и свободой.

Человеческая природа оказывается двойственной и изначально включающей в себя глубинное противоречие: как существо разумное человек понимает, что одному ему не выжить, а как существо свободное признает только свое право на природу и свои обязанности перед Богом. Эта двойственность отражается в двух фундаментальных законах человеческого бытия — «законе индивида/свободы» и «законе общества/ассоциации». Размышляя о различных модальностях взаимодействия между ними, философ выстраивает органичную теорию действия и реакции, на которой в свою очередь строятся его политические представления — и ее анализ, по мнению докладчика, позволяет отойти от расхожего взгляда на Кортеса как на идеолога-реакционера.

Вечернее заседание, модератором которого выступил СЕРГЕЙ ЗЕНКИН, открыл своим докладом «Об истории формулировки законов о живом» профессор Тартуского университета КАЛЕВИ КУЛЬ (KALEVI KULL). Доклад начался с любопытного определения семиотики — полагающегося на введенное Чарльзом Пирсом понятие абдукции — как «логики нелогичного», предметом которой является все то, что не поддается строгой алгоритмизации. Таким образом, с точки зрения биосемиотики, рассматривающей жизненные процессы как процессы знаковые, алеаторные «законы жизни» могут быть поняты как продукты парадоксального и неалгоритмизуемого семиозиса. Опираясь на анализ около 300 различных законов, сформулированных в биологии в XIX–XX вв., докладчик поставил и обсудил ряд вопросов, связанных с исторической динамикой формулировки законов о жизни, различиями между разными научными культурами и ролью собственно семиотических законов среди законов биологических.

Доклад БОРИСА МАСЛОВА (Чикагский университет — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) под названием «Природа (вне) закона» был посвящен опыту осмысления древнегреческой оппозиции — или соположения — понятий закона (*nomos*) и природы (*physis*) в немецкой гуманитарной науке XIX–XX вв. Докладчик напомнил, что в интеллектуальном контексте Древней Греции V–IV вв. до н. э. *закон* (обычай, установление) отождествлялся с культурной (историко-этнографической) спецификой человеческих сообществ и противопоставлялся *естеству* (бытию, становлению) как общему принципу роста и становления всего сущего. С этой точки зрения, «законы природы» как предмет изучения естествознания Нового времени оказываются своего рода *contradictio in adjecto* — однако именно в них рационалистическое мировоззрение обнаружило универсальную законность, так что антитеза потеряла свое

прежнее значение. В этих исторических условиях антиковедение смогло обнаружить раннюю, доантитетическую эпоху в истории понятий *nomos* и *physis* — и немецкая политическая философия («Der Nomos der Erde» К. Шмитта, «Vom Wesen und Begriff der Φύσις» М. Хайдеггера), опираясь на работы филологов-классиков («Vom Mythos zum Logos» В. Нестле, «Nomos und Physis» Ф. Хайниманна), выдвинула оригинальные трактовки идеи закона и идеи природы, используя их в новых понятийных функциях. В заключение докладчик отметил, что отказ современных гуманитарных дисциплин от поиска универсальных закономерностей при изучении культуры, истории и искусства свидетельствует о недостаточной эвристической мощности естественнонаучной эпистемы, а вместе с тем о необходимости продолжения критической рефлексии, начатой в период экспансии общественных наук в традиционную сферу *studia humanitatis*.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛЬМЕЗОВА (Лозаннский университет) выступила с докладом «Законы семантики в марристском „Новом учении о языке“: вызов лингвистике начала прошлого века?». В рамках своей яфетической теории Николай Марр сформулировал шесть семантических законов, тем самым желая бросить вызов лингвистике (прежде всего, «буржуазной») начала прошлого века: если в «западной» науке о языке существовали законы фонетики, синтаксиса и т. д., то семантические законы, по мнению Марра, «буржуазные» лингвисты предпочитали не исследовать. Претендуя на создание особого направления в лингвистике, создатель «нового учения о языке» бросал вызов не только прошлому (лингвистике девятнадцатого века), но и современному ему научному знанию. Докладчица показала, в чем состояло двойное заблуждение Марра: семантические законы уже исследовались в науках о языке позапрошлого столетия; в рамках же более современных для него исследований семантика и ее законы также привлекали к себе внимание: соответствующие исследования во многом предшествовали организации семиотического знания как особой академической дисциплины (по крайней мере, в ее специфическом «русском варианте»). Новизна же подхода Марра к поставленной им проблеме — самой возможности формулировки закона в семантике — состояла именно в попытке (скорее всего, самим Марром не вполне осознаваемой) изменить содержательную составляющую понятия закона в лингвистике, по крайней мере в сравнении с теми учеными, кого он относил к представителям «буржуазного языкознания».

Заседание завершилось сообщением АНДРЕЯ ДОБРИЦЫНА (Лозаннский университет) «О законах в теории стиха». Докладчик коснулся некоторых теоретических и эмпирических законов в филологических дисциплинах и в исторической лингвистике, а также рассмотрел примеры того, как осмыслялось понятие закона в прошлом веке. Прежде всего, речь шла о стремлении Андрея Белого раскрыть механизм стиха (результатом которого стал знаменитый «закон несовпадения метра и ритма») и его аритмологических истоках, а кроме того — об исследованиях Б. И. Ярхо, устанавливающих закономерности в исторической поэтике. В этой связи докладчик поднял вопрос о моделировании, строящемся по аналогии с моделями в естественных науках, в противоположность моделированию, исходящему из филологического или языкового материала, и рассмотрел примеры закономерностей в историческом развитии стихотворного ритма.

В заключение первого дня состоялась оживленная общая дискуссия, естественным образом продолжившаяся на фуршете.

26 АПРЕЛЯ

Ведущей утреннего заседания второго дня конференции — 26 апреля — выступила ИЛОНА СВЕТЛИКОВА, а первым докладчиком стал ВИКТОР КАПЛУН (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург — Европейский университет в Санкт-Петербурге) с сообщением «Законы, правила, институты: что Л. Витгенштейн, Г. Райл и М. Мосс могли бы сказать Дугласу Норту». По мысли докладчика, вопрос о том, какова природа связи между законами и правилами с одной стороны и реальными действиями людей — с другой, решается социальной теорией с помощью концепции социального института. В докладе был предложен критический анализ понятия института и связанных с ним концептов, на которые опирается современная неинституциональная экономическая теория — прежде всего, та ее ветвь, которая связана с именем Дугласа Норта. Поскольку понятийный аппарат классической экономической теории в принципе не дает возможности ставить проблему институтов, неинституциональная экономическая теория — как своего рода социальная метанаука, способная объяснять, предсказывать и проектировать изменения обществ во времени — действительно представляет собой шаг вперед в понимании логики функционирования обществ и социальных трансформаций. В то же время понятие института содержит серьезные методологические слабости, которые могут отражаться на уровне не только теории, но и практических исследований. Обращение к оксфордско-кембриджской

традиции философии языка XX в. (Л. Витгенштейн, Г. Райл) и прагматической социальной теории (М. Мосс) предоставляет нам, по мнению докладчика, концептуальные инструменты для критического анализа этих методологических слабостей и для развития альтернативного понимания институтов.

В центре доклада АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВА (НИУ ВШЭ, Москва) «Между закономерным крушением капитализма и железным законом олигархии: „научный социализм“ и общественные науки конца XIX — первой трети XX в.» оказались споры о марксизме в социальных науках описываемого периода, проходившие вне прямой связи с полномасштабным социалистическим проектом в России. Исходным пунктом стала дискуссия, в которую были вовлечены Макс Вебер, Г. Плеханов, П. Струве и С. Булгаков, вокруг книги Рудольфа Штамmlера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (1896), где марксисты именовались партией «Лунного затмения». Эхом этой дискуссии стала попытка реконцептуализации «закона общего краха» капитализма у Генрика Гроссмана (1929), представителя старшего поколения Франкфуртской школы. Следующий круг споров — полемика Павла Новгородцева с работами Роберто Михельса и синдикализмом, связанная с иерархическими тенденциями внутри социал-демократии накануне Первой мировой войны. Наконец, докладчик обратился к вопросам о возможности «преломления» закона и о рассмотрении этих дилемм мысли и действия у «академиков» социально-либерального лагеря (С. Гессен, К. Манхейм, Р. Тоуни) на рубеже 1930-х гг. в связи с идеями Кроче, Струве и Вебера.

Профессор Фрибургского университета и организатор конференции с швейцарской стороны ЙЕНС ХЕРЛЬТ (JENS HERLTH) выступил с сообщением на тему «Закон в размышлениях польских социологов о литературе и искусстве на рубеже XX в.» Польские социологи (или, скорее, прото-социологи) конца XIX в., занятые проблемой генезиса, становления и развития форм социальной организации, работали в тесном общении с писателями и журналистами оппозиционной среды в Варшаве и в других регионах разделенной Польши. Все они так или иначе задавались вопросом о роли литературы и художественной деятельности в истории человеческих обществ, часто обращаясь к фигуре «закона» с целью включения художественной деятельности в общие процессы социального развития. При этом применение законов, обнаруженных в исследованиях раннеисторических форм социальной организации, оборачивалось не методологическим подчинением эстетического социальным факторам или

процессам, а отстаиванием значимости и самоценности художественного творчества — и отнюдь не в смысле модернистской автономии искусства. Так, Людвик Крживицкий разрабатывал свою концепцию распространения идей, а Казимеж Келлес-Крауз постулировал существование «закона социальной ретроспекции». Таким образом, докладчик продемонстрировал, как польская социологическая мысль конкурировала с идеологическим подходом к литературе с одной стороны, а с другой — с первыми попытками чисто имманентного подхода к вопросам литературы и эстетики.

После обеда, заняв место модератора, ЙЕНС ХЕРЛЬТ открыл заключительное вечернее заседание. ГЕОРГИЙ ОРЕХАНОВ (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет) в своем докладе «Закон веры и закон жизни: Л. Толстой vs Ф. Достоевский» развил тему «невстречи» двух классиков на путях и перепутьях религиозной мысли. Докладчик предпринял попытку проанализировать принципиальные различия в их подходах к идее «религиозного закона», которые были обусловлены рядом значимых в их жизни и творчестве факторов — воспитанием, кругом чтения, художественным методом, религиозной картиной мира и т. д. — а кроме того, указал на перспективы работы с корпусом толстовских дневников, до сей поры остающихся, по его мнению, без должного исследовательского внимания.

Следующим выступил АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ (РГГУ), продолживший обсуждение литературной социологии в докладе под названием «Социологическая поэтика и закономерность незакономерного» — о том, как категория закона применительно к литературе осмыслялась в так называемом круге Бахтина в конце 1920-х гг. По мысли докладчика, современная наука о литературе переживает своего рода новый поворот к социальному, особенность которого заключается в том, что интерес представляют не только внешние условия литературного производства и потребления, разнообразные обстоятельства литературного быта или проблемы функционирования литературных институций, но и имманентная самой литературе социальная оптика, к которой призывал обратиться еще Павел Медведев. В многочисленных, преимущественно немецкоязычных, исследованиях последних лет (работы М. Тицманна, О. Крамера, Х. Ноймайера и др.) предлагаются различные виды того, что можно назвать социальной эпистемологией литературы, опирающейся на различные трактовки социального знания — от Фуко до Лумана и от Лукмана до Латтура, — однако эти социально-эпистемологические

модели мало что дают, если взаимоотношения литературы и социального знания не прояснены со стороны самой литературы и литературоведения. В этом отношении продуктивным оказывается обращение к социологической поэтике «круга Бахтина», позволяющее вернуться к фундаментальным вопросам о том, что такое литература, каковы законы ее развития и как они соотносятся с законами общественно-историческими. В свою очередь, само понятие «закон» — а вместе с тем и интуиция «закономерности незакономерного», восходящая к русскому роману 1860-х, — оказывается одним из ключей к пониманию всей сложности дебатов о литературе и социуме, которые имели место в 1920-е гг.

Конференция завершилась сообщением СЕРГЕЯ ЗЕНКИНА (РГГУ — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) про «Законы трансгрессии», в котором проблема узаконенных незакономерностей была рассмотрена на более обширном материале. Эпоха модерна, обосновавшая создание общественных и гуманитарных наук, столкнулась с непостоянством законов этих наук, которые исторически меняются, допускают возмущающие воздействия индивидов и, следовательно, включают в себя закономерные исключения и нарушения — то, что в социальной теории называют трансгрессией. Рассмотрев различные виды таких нарушений, связанных с законами разных дисциплин, как то: логические исключения (на примере одного из фрагментов флюберовских «Бувара и Пекюше»), психологическое остранение (на примере теорий русских формалистов), ритуальную трансгрессию в антропологии (на примере теорий Жоржа Батая и Роже Кайуа), — докладчик заметил, что все они включают в себя не только действие нарушения того или иного правила, но и сознание, резкое переживание этого нарушения во времени. Это наблюдение, а также связь приведенных примеров с литературой и искусством, приводит к неожиданному выводу о нарративной структуре опыта трансгрессии, что позволяет объяснить аффективные возможности художественного творчества. Именно в сообщении опыта трансгрессии — иными словами, опыта экзистенции, буквально «выступления из» — нередко имеющего телесно-физиологический характер и не поддающегося концептуализации в терминах идейного содержания, морали, типологии характеров и т. д., может заключаться, по предположению докладчика, одна из глубинных и наиболее важных функций художественного мимесиса.

***

Подводя итоги конференции, хочется отметить необычайную продуктивность поставленной проблемы, за формулировку которой следует

поблагодарить организаторов. При этом обширное поле дискуссий, открывающееся с ее помощью, оказалось отнюдь не неохватным, как могло показаться на первый взгляд, но приглашающим к вдумчивому исследованию и картографированию, за представленные результаты которых следует поблагодарить докладчиков. Помимо первой части заглавия стоит отметить также и вторую, включившую в себя интеллектуальную историю как своего рода метадисциплину, обращение к которой обещает еще не одну блестящую междисциплинарную конференцию. Материалы этой скоро будут опубликованы.

Yushin, P. K. 2018. "Mezhdunarodnaya konferentsiya 'Ideya zakona v intellektual'noy istorii'. Khronika [International Conference "The Idea of Law in the Intellectual History": Conference Chronicles]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] II (2), 237–246.

PAVEL YUSHIN

BA STUDENT AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS,
SAINT-PETERSBURG

INTERNATIONAL CONFERENCE
"THE IDEA OF LAW IN THE INTELLECTUAL HISTORY":
CONFERENCE CHRONICLES